

Почему я марксист. Без знака вопроса

В настоящей статье я попытаюсь показать, что марксизм сегодня и здесь по факту является, во-первых, единственной на данный момент традицией европейского философского типа; во-вторых, из всех представленных на «интеллектуальном рынке» теорий он по-прежнему обладает наибольшей эвристической силой в объяснении сегодняшних социальных и культурных процессов. А причины скептического к нему отношения могут быть найдены в уникальных социальных процессах и «конstellациях», которые мы находим сначала в истории Советского Союза, а затем в специфике текущего исторического момента — реставрации капитализма на пространстве бывшего СССР.

Но прежде чем перейти к объективному анализу, мне понадобится небольшое

Биографическое отступление

Я поступил на философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина в 1985 году. То время было для советского марксизма уже непосредственно приближающимся к низшей точке спада. Хотя первых два курса нам активно преподавали историю и теорию марксизма, требовали много конспектировать классиков, но все это было уже «на излете».

Авторитет марксизма сохранялся у студентов первых курсов только до определенного момента. Собственно, степень созревания студента косвенно определялась по тому, насколько быстро он начинал заниматься современно западной философией (и шире — западной философией) и историей философии. Причем и в том и в другом случае «марксистскому подходу» отводилось пара страниц ритуального вступления в курсовую или реферат, а далее изложение шло как бы «объективно». Среди студентов ходили предания о героях, позволивших себе писать работы о запрещенных философах типа Хайдеггера и о проблемах (вплоть до отчисления), с которыми этим студентам приходилось сталкиваться в связи с таким выбором. Я тут говорю о «продвинутых» студентах, поскольку большая часть нас, как и везде, просто «отбывала срок». Как раз эта большая часть чаще всего и «занималась» марксизмом, поскольку это было легче и беспроблемнее.

В тоже время большая часть преподававших марксизм была вполне искренна. Хотя и они в основном просто тянули лямку и творчеством в своей области не были озабочены.

Господствовал кондовый советский истмат/диамат и преподаватели делились не на тех, кто выходил или нет за эти рамки, а на тех, кто вдалбливал в нас его и тех, кто терпеливо стремился донести его до нас. Я не припоминаю, чтобы кто-то из преподавателей что-либо серьезно мог сказать о «другом марксизме» (советском ли – Ильенков, Лифшиц, западном ли). Более того, совершенно очевидно, что современный западный марксизм был известен преподавателям еще меньше западной немарксистской философии.

Таков был «фон» на котором я впервые встретился с марксизмом. Далее я попытаюсь кратко описать ряд объективных и субъективных причин того, почему значительное количество времени после этой первой встречи марксизм меня не интересовал. Здесь только комплексное понимание этих причин может дать более-менее полную картину, но начну все же с субъективного фактора (рассматриваю себя как типичного представителя своего поколения в типичных условиях).

Моя «инициация» и инсайт по поводу того, каким захватывающим приключением и предприятием человеческой мысли является философия, произошли довольно поздно и были связаны с Кантом и Хайдеггером. Но в этих сутубо личных воспоминаниях если и есть интерес, то только тот любопытный штрих, что оба – максимально далеки от марксизма. Следующий этап моих интересов в философии был уже совершенно типичен для моего поколения – структурализм (прежде всего Тартуско-Московская семиотическая школа) и постструктурализм (французский).

Невозможно не признать грандиозную увлекающую силу постструктурализма. Огромный интеллектуальный дар авторов этого направления, удивительная способность показывать в совершенно обычном какие-то неожиданные и увлекающие перспективы раздумывания – все это (и еще ряд объективных факторов, о которых ниже) не могло оставить равнодушным молодого человека, интересующегося философией.

И все же. В самом сосредоточии этой философии и этого мировоззрения присутствует удивительный разрыв. С одной стороны, постструктурализм может показать как за одной фразой или, скажем, за подписью к документу, может стоять огромное количество самых глубоких и далеких предпосылок, следствий, знаков и процессов. С другой стороны, фундаментальным положением выступает то, что язык это все, что доступно нашей мысли, адекватным ей объектом исследования может быть только язык: «... ибо мысль не может существовать вне языка» (М. Фуко). Мы никогда не можем выйти за пределы языка, к некоей вне-языковой реальности. В некотором смысле вытекающая из неисчерпаемого богатства языка плодотворная сосредоточенность на нем является следствием того, что нам просто *ничего другого не остается*.

Я достаточно быстро осознал этот разрыв и даже выразил его для себя как проблему, но долго мирился с ней как с безусловной данностью. И все же: здесь налицо глубочайший разрыв не только в самом мировоззрении, но и разрыв со всей предыдущей философской традицией (как она развивалась до «лингвистического поворота» XX века). Философия всегда претендовала на постижение истины и даже Истины. Оставаясь собой она (философия) не могла и не может отказаться от этой претензии¹. Сколько бы я ни читал тогда о смерти философии и «конце больших нарративов», проблема выхода за пределы языка продолжала «интеллектуально беспокоить» меня.

Следующим этапом, который можно вычленить при экскурсе в прошлое типичного представителя своего поколения, была «философия тела». В отечественной ситуации

¹ См. об этом: Корш, К. Марксизм и философия. Издательское товарищество «Книга», М.–Л., 1924.

это направление связано, конечно, прежде всего с творчеством Валерия Александровича Подороги. Невозможно отрицать то огромное влияние, которое его книги оказали на молодежь конца 80-х — начала 90-х. Тем не менее теперь я вижу, что он вдохновлял нас скорее особой манерой *письма*, стилем, нежели концептуально. (Это ни в коем случае не упрек, а если и упрек, то только самому себе.)

Более важным для попыток «решения» отмеченного разрыва (а он касается самой сути отношений философии и мира, то есть самых важных ее мировоззренческих и концептуальных оснований) было знакомство с феноменологией Мориса Мерло-Понти. Вот как он затягивает разрыв: да, существует психофизиологическая проблема, проблема разной онтологии психического и материального, эта проблема фундаментальна. Но есть в мире привилегированное, исключительное место — наше тело. С одной стороны, оно — являясь одним из физических объектов в ряду любых других физических объектов — так же чуждо нашему разуму, как какая-нибудь далекая звезда. Но с другой стороны, между моим разумом и моим телом нет никакого «зазора». Между моей мыслью о том, что я поднимаю руку и моей поднятой рукой нет никакого промежутка. Я полностью располагаю своим телом, оно есть то «место», в котором фундаментальный разрыв «не существует». Но этот ход не решил проблему. Он подводит к пониманию, что за пределы языка можно вырваться, но оставляет нас замкнутыми в одном единственном физическом, вне-языковом объекте — в нашем теле. «Тело» здесь не решение проблемы, а, скорее, указание на нее, ее подтверждение.

Поэтому следующим этапом в попытках понять, где можно найти решение проблемы «разрыва», для меня стал Гуссерль. Выход за пределы языка, преодоление разрыва, неизмеримо более широкая (чем «тело») концептуальная перспектива — все эти горизонты гуссерлевской феноменологии можно в данном случае обобщить такими привлекающими чертами его философии, как: заложенное в основание феноменологии стремление быть комплексной *наукой*; выход к понятию и описанию «жизненного мира». Не говоря уже о скрепляющем все части этой концепции понятии «интенциональности», которое является, пожалуй, самым значительным вкладом в исследование проблемы субъект-объектной дихотомии (а к ней восходит упомянутая проблема разрыва между языком и внеязыковой реальностью) в современной буржуазной философии со времен Канта.

Но почему же феноменология все-таки не удовлетворяет поискам знания, находящегося на уровне сегодняшнего дня? Вот это нельзя понять, не рассмотрев уже сначала объективные причины спада интереса к марксизму и объективные же причины его (интереса) возрождения.

Победа и поражение марксизма в СССР

Вплоть до второй половины 90-х такие важнейшие, центральные категории марксистской классики, как товарный фетишизм, эксплуатация, наемный труд, отчуждение, классовая борьба и мн. др. не были даны нам «в опыте», были чисто умозрительными, абстрактными категориями. Здесь диалектический парадокс: было построено общество, обладающее совсем другими принципами своей организации, чем у буржуазного общества. Но, доказав тем самым свою созидательную социальную силу, классический марксизм утратил в этом новом обществе свою объясняющую, эвристическую силу. (Но только до определенной меры! И к самому позднему брежневскому социализму

отлично приложим марксистский метод, но прилагать его надо было в *новых* обстоятельствах. Для этого нужны были мыслители живого марксизма. Почему их не было, см. ниже.)

Формирование финансового капитала, борьба за сокращение рабочего времени, меновая и потребительная стоимости — эти понятия «Капитала» ничего не говорили моему поколению в 80-х. Это было не про нас — и спасибо, кстати, СССР за это. Понятно, что для тех, чья профессия — потенциально — в том, чтобы применять прочитанное в книгах к осмыслению окружающей реальности и наоборот, классические марксистские тексты 19 — начала 20 веков были тогда не актуальны.

И инерция этой «неактуальности» чувствовалась очень долго, даже когда актуальность было налицо. Пример: уже в самом конце 90-х я предложил главному редактору «Логоса» сделать номер о консюмеризме. После этого я начал разговаривать с коллегами о возможности написания материалов. Прекрасно помню как в 99 (!) году на меня косо поглядывали: «Какая “критика общества потребления”, сколько можно жить в этой совковой проблематике из прошлого». (Кстати, относительная неудача этого номера тоже доказывает вышесказанное — даже в самом конце 90-х «интеллектуалы» носили на глазах «шоры Деррида», жили идеологическими иллюзиями. Это и к вопросу о запаздывании общественного сознания в отношении к общественному бытию.)

Так что «марксизм не работает как эвристическая теория» только в головах «вечных вчерашних по-советски». Это еще один парадокс: не видят актуальности Маркса, обвиняют его в архаичности люди, сами оставшиеся далеко в прошлом. Только теперь, когда Советский Союз все дальше уходит в прошлое, можно понять, насколько иным было то общество в сравнении с «нормальным капитализмом», нынче переваривающим Россию. Сама трудность демонтажа СССР как особого мира доказывает это. Символично, что строители, ломавшие гостиницу «Москва», не уложились в отведенные сроки — ее стены оказались так прочны, что работа шла гораздо медленнее, чем предполагалось.

Кроме неактуальности (в отмеченном смысле нашего незнакомства с реалиями капообщества) классического марксизма для советского человека была еще одна важнейшая причина спада интереса к этому учению. И здесь опять-таки спад интеллектуальный неразрывно и диалектически связан с социальными процессами.

СССР, при всех его достоинствах, обладал и огромными недостатками. Природа СССР и баланс его плюсов и минусов — предмет необъятной литературы, яростных споров на протяжении почти ста лет. Поэтому в настоящей статье я отмечу только то, что важно в этом более-менее частном контексте.

В интересующем нас сейчас разрезе о природе СССР можно сказать так: наряду с преобразованием социума на принципиально новой экономической основе (общественная собственность на средства производства, планирование, монополия внешней торговли и многое другое), в советском обществе оказалась свернута та демократическая составляющая, которая, по замыслу и Маркса и Ленина, должна была сопровождать обобществленное и плановое народное хозяйство. Власть и управление, которые должны были быть «распылены» вниз, были узурпированы новой бюрократией. (Почему это произошло — предмет еще одной немаленькой библиотеки. Здесь скажу толь-

ко, что неудачи революции никто более честно и критично не исследовал — и по отношению к себе тоже — чем левая оппозиция в партии большевиков и ее наследники в интернациональном масштабе.)

Итак, широкая демократическая дискуссия, самодеятельность масс были в СССР невозможны. Но марксистская теория по определению, по природе своей связана с социальной практикой! Поэтому в переродившемся Советском Союзе, где самодеятельность человека и коллектива была крайне сужена, не могла появиться и значимая марксистская теория. Абсолютно закономерно, что последняя вспышка живой интересной марксистской мысли в СССР приходится на 20-е годы. А дальше все погрузилось в бесконечное строительство голых абстрактных схем, которому практически целиком посвящена вся советская марксистская литература². Не думаю, что в этих горах шлака когда-нибудь удастся найти так уж много зерен живого и актуального сегодня знания — хотя рад буду ошибиться.

Причем эта голая абстрактность — «тоска зеленая», здесь «тоска красная» — присутствует даже у лучших представителей советского марксизма (и даже у их наследников сегодня). И — как всегда — эта невозможность мыслить и действовать свободно если не выжигает интеллектуальное поле дотла, то вытесняет мыслительную работу или в философию искусства (линия Лифшица) или в историко-философские реконструкции (линия Ильенкова). Но они остаются только *хранителями*, а не распорядителями и «актантами» живого марксизма.

Сведенный к голым схемам, превращенный в догму марксизм только проиграл. Его развитие в СССР практически остановилось. Поэтому так революционно звучал в 80-х постмодернизм. Поэтому широкую демократическую дискуссию, которой так не хватало советскому марксизму, приходилось проходить «индивидуально», «проживая» реставрацию капитализма и прочитывая книги. Поэтому так затянулось возвращение к пониманию актуальности и эвристичности марксизма сегодня.

Итак, «уход» из жизни советского человека данной в опыте реальности, на которой сформировался классический марксизм (эксплуатация, товарный фетишизм, рынок и т. д.) — с одной стороны³. С другой — недействующая советская демократия. Это не Сцилла и Харибда, это молот и наковальня, которыми прежде живое и плодотворное единство теории и практики — марксизм, было сплющено в плоскости «кратких курсов».

Специфика текущего момента

Историческое движение ничего не гарантирует, только дает возможность. Уход в прошлое СССР, реставрация капитализма — эти тектонические сломы могут дать материал для комплексной теории (каковой и является марксизм), а могут и ослепить отдельными своими феноменами. А когда отдельный частный феномен выхватывается и гипостазирован — возникают идеологические

² Именно ее нам и «преподавали» в университете. Еще одна причина, почему так трудно (но не невозможно!) было быть марксистом в СССР в 80-х.

³ Здесь стоит еще добавить, что данный аспект есть одно из доказательств ошибочности теории «государственного капитализма» в отношении СССР.

иллюзии, на которых строятся яркие, но однобокие теории (теория постиндустриального общества, «нового класса» и т. д.). С этой «частичностью» восприятия и опыта связан второй аспект затянувшегося ренессанса марксизма.

Поскольку философии в СССР учили в очень немногих вузах, наш студенческий коллектив был интернациональным. Сегодня я поддерживаю отношения со многими своими однокашниками, живущими в новых независимых государствах. И вижу, что марксизм там еще менее развит, чем в России. И связано это, по-моему, вот с чем.

Смена советского социализма постсоветским капитализмом не единомоментный процесс. Он, как видим, занимает годы и десятилетия. Рынок как основа социальной связи постепенно вытесняет прежнее социальное устройство. Постсоветская специфика этого процесса такова, что первоначально капитализм приходит в своем соблазнительном обличье. Мои однокурсники — ныне сотрудники образовательных и научных учреждений — получили возможность более-менее свободного доступа к неограниченному объему информации, возможность путешествовать по миру, в конце концов — не стоять в очередях за удобными ботинками. Но одновременно капитализм еще не успел демонтировать окончательно остатки того безусловно положительного, что было в советском строе: отсутствие страха потерять работу, недорогое жилье, развитые и — в общем и целом — продвинутые системы здравоохранения и образования. В специфике текущего момента могло показаться, что мы движемся от строя со своими плюсами и минусами к строю с одними плюсами. Но это только краткий исторический момент. Логика становления капиталистического типа общественных отношений неотвратимо ведет к системе, где главный принцип — «будь эффективным или сдохни». Рынок, продажа труда на рынке, эксплуатация, соревнование всех со всеми, победа (для немногих), поражение (для большинства) — вся эта повседневность все более и более становится нашей повседневностью, все меньше остается места чему-то *Иному*. Но это повседневность, в которой формировался классический марксизм. По мере ее укрепления, будет неизбежно расти интеллектуальное и практическое влияние марксизма, понимание его неустрашимой теоретической и практической значимости⁴. Т. е. возвращение интереса к марксизму точно коррелирует со становлением капитализма в пространстве бывшего СССР, а в масштабах России — сначала в Москве и других крупных городах, а затем в регионах.

Здесь наша уверенность имеет основанием двувариантный процесс, причем оба варианта будут прочищать головы от идеологического тумана. Первый вариант уже в целом описан выше. По мере реставрации-становления

⁴ Чем, как не товарным фетишизмом, может быть объяснена эта «картинка» из массового журнала на русском языке: «Ее огромный дом в Мадриде почти полностью отдан под гардероб. И за каждым платьем она ухаживает только сама, несмотря на то, что могла бы себе позволить целый штат для этих целей. После каждой вечеринки, как бы ни устала, Элоиза всегда лично чистит платье. «Они все новые. Я никогда не надевала их больше двух раз. Но я не могу себе представить их в чужих руках. Никто не должен дотрагиваться до моих платьев! Если бы я могла забрать их с собой навсегда... Ну, вы понимаете»... И хотя ей есть о чем рассказать своим внукам, она, кажется, не собирается им ничего рассказывать. Потому что ее не интересуют внуки. Ее интересуют кутюрные платья». L'OFFICIEL, Россия, № 4, апрель, 2004. Это о миллионерше — любительнице «от кутюра».

капитализма, основные категории и методы марксизма возвращают себе силу. Здесь уместна аналогия с античным образом Антея, который от падения на землю становился только сильнее — и нет на него такого Геракла, который сможет его победить. Чем больше капитализма, тем больше марксизма. Чем больше у людей забирают того, что им необходимо для человеческой жизни, тем больше они становятся марксистами (хотя бы стихийными). (Здесь, конечно, не надо упрощать. Будет и отчаяние, и озлобление — «буду успешным хотя бы ценой глотки ближнего». Капитализм рождает и фашизм, и религиозные утопии. Но общий вектор все-таки — борьба за лучшую жизнь, это в природе человека.)

Вариант второй. Допустим, вместо зримого ухудшения, ведущего к проявлению в головах и «марксизации» общества, будет происходить улучшение нашей жизни. Но как? Повседневный социальный опыт уже говорит, а дальше это будет только яснее, что *дождаться* от класса капиталистов улучшения нашей жизни *невозможно*. Хозяин вынет из своего кармана и отдаст нам (повышение зарплат, социальные программы и т. д.) только то, что мы заставим его вернуть (потому что все в этом мире создается теми, кто трудится). Чтобы жить лучше, за это надо бороться. (По видимости это напоминает капиталистический закон джунглей, но только по видимости. Потому что здесь идет речь о *коллективной*, классовой борьбе.) Бывший советский человек до сих пор с недоумением смотрит на забастовки на «благополучном» Западе (и еще далеко не о всех узнает, потому что для СМИ это не приоритетная тема). Мол, «с жиру бесятся, ведь у них и так все есть». Но дело обстоит резко наоборот: то, что у «них» есть, они имеют только потому, что они за это боролись, борются и будут бороться. Это настолько элементарный исторический факт, что он даже не нуждается в доказательствах.

Итак вариант 2: вместо ухудшения — улучшение. *Но этого улучшения можно достичь только в борьбе за свои права, а такая борьба и будет школой марксизма.* То есть как не крути, а остается верной ленинская мысль: «Коммунизм “вырастает” решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду, “зараза” (если употребить излюбленное буржуазией и буржуазной полицией и самое “приятное” для нее сравнение) проникла в организм очень прочно и пропитала собой весь организм целиком» («Детская болезнь “левизны” в коммунизме»). (Причем я здесь говорил только о мировоззренческих основаниях прорастания марксизма через асфальт капитализма, а есть еще и чисто экономические основания данного процесса.)

«Специалисты», «традиции», «школы»

Теперь снова вернемся к Гуссерлю. Мое увлечение феноменологией приходится на 94—95 гг. Почему же это увлечение не стало чем-то большим? Итак, «узкий специалист» по Гуссерлю, без претензий, в НИИ или вузе, в своей будочке из слоновой кости. Но что такое быть специалистом по феноменологии в Минске или даже в Москве? Что-то аналогичное быть специалистом по снегу в Африке, то есть кем-то, кто оторван тысячами километров и десятками лет от профессионального комьюнити. Хочу подчеркнуть, дело не в «амбициях», дело в профессионализме и в удовлетворении от своей работы. Здесь фено-

менолог может быть только просветителем, «трегером». Поскольку философской традиции в западном понимании у нас нет, то — грамотный — специалист по западной философии ценится именно за свою редкость здесь. И главная его функция — *понять*, изучить свой предмет. Но кроме понимания, философия — это продуктивное *непонимание* и выход за пределы понятого прежде. Так она существовала все две с половиной тысячи лет своей истории. *Традиция* и есть эта сложная «игра» понимания/непонимания. Есть «феноменолог» и есть «специалист по феноменологии». Это как быть охотником и быть специалистом по изучению охотничьих приемов. Они *знают* одно и то же и даже одинаково хорошо. Но один..., а другой... Конечно, в странах с традиционно сильным феноменологическим движением тоже есть «феноменологи» и есть «специалисты». Но оба типа там присутствуют в достаточном количестве, их совокупность и задает «школу». У нас же есть только отдельные специалисты.

Но даже это — не главное. Впрочем, о главном я скажу чуть позже. Если продолжить тему традиции, то надо признать, что мы обладаем только одной интеллектуальной традицией, которая является не исключительно локальной, а — сохраняя локальную специфику — выступает полноправной частью интернациональной сцены. И это марксистская традиция. К тому же мое обращение к марксизму совпало с моментом, когда я стал жителем Москвы и осознал себя субъектом именно и конкретно капиталистического общества. И наоборот: переживая на своей шкуре «прелести» капитализма, я не мог не вспомнить полузабытые, полуизученные на первых курсах истины марксизма. И тут они впервые обрели «плоть и кровь», заработали. Теперь я уже сознательно стал применять марксистские методы и — как мне кажется — успешно. Успешно в том смысле, что они давали мне удовлетворительные ответы, которые я не мог получить ни от какой другой теории. Попутно я перечитывал и читывал дальше классическую и современную марксистскую литературу. Замечательный момент: я впервые почувствовал твердую почву под ногами и перспективы впереди. Не специалист по подрезке листьев банановых пальм, живущий в Якутске, а субъект теоретической традиции с огромной школой позади, да, пока с немногими сторонниками сегодня и очень впечатляющими перспективами впереди (см. выше). Опять подчеркну: дело ни в «амбициях», дело в профессионализме и в удовлетворении от своей работы.

И самое главное. Марксистская философия (при всей неоднозначности отношений между марксизмом как таковым и философией как таковой) — это единственная философская традиция сегодня, которая не отказалась от стремления к истине — истине, от которой отвернулись все остальные, признав ее «языковой игрой», ушедшими в прошлое «большими нарративами» и т. д. Более того, истина для марксизма это не самодостаточная цель, а часть деятельности по преобразованию мира. Что — опять-таки в узко философском смысле — позволяет марксизму сохранять связь со всем историческим наследием философии. «Марксизм сегодня не следует понимать как всего-навсего замену этих других методов, предназначенных тем самым быть торжественно отправленными на пепелище истории; значимость этих методов коренится в их действительном соответствии тому или иному закону, фрагменту социальной жизни, той или иной подсистеме сложной и разветвленной культурной надстройки (superstructure). В духе аутентичной диалектической традиции мар-

ксизм в данном случае понимается как тот “нетрансцендируемый горизонт”, что обобщает эти по видимости противоречащие друг другу и несводимые друг к другу критические операции, придает им их несомненную частную валидность и тем самым одновременно и отменяет, и сохраняет их»⁵.

Так что не быть марксистом сегодня в России гораздо сложнее, чем быть феноменологом, герменевтом или философом аналитического направления. Т. е. я кое-как еще могу понять как можно *не быть* марксистом в Лувенском католическом университете (где находится архив Гуссерля), но я совсем не понимаю, как можно не быть марксистом сегодня в Москве. В каком-то несколько парадоксальном смысле марксизм это вообще единственная философия сегодня — в том смысле, который восходит к ее создателям, грекам — поскольку все остальные традиции уже давно осознают себя или как «игру», или как сугубо частную, специальную, прикладную науку. Т. е. осознают себя «софистами», а не «философами» — поэтому Бадью сегодня совершенно правомерно говорит о Платоне⁶.

Пережили ли современные общества революционный разрыв со своим прошлым?

Наконец я хотел бы остановиться на одном из самых может быть распространенных возражений против применения классического марксизма сегодня. В общем и целом, оно звучит так: «Да, марксизм это вполне валидная и уважаемая теория, но он создавался в XIX веке, в другую эпоху. С тех пор социальная онтология настолько изменилась — в развитых странах, по крайней

⁵ Jameson, F. *The Political Unconscious: Narrative as Social Symbolic Act*. N.-Y., 1983, p. 10.

⁶ Чтобы округлить эту часть, скажу еще, что на определенном этапе та проблема, с которой я начал — проблема разрыва — встала для меня как для марксиста в новой теперь форме, форме отношения между «материальным» и «идеальным» планами в широком смысле. Точнее сформулировать эту проблему можно следующим образом. Скажем, Лукач пишет, что тайна несравненного величия и «фантастического реализма» «Дон Кихота», в том, что Средневековье в период своего разложения давало чрезвычайно богатый и пестрый материал людей и действий. Самостоятельность и индивидуальная активность человека тогда еще могли проявиться сравнительно свободно (а Гегель справедливо видел именно в этом величии Шекспира). «Проза буржуазной жизни была в тот период еще только тенью, падавшей на пестрое разнообразие движущейся жизни, полной изумительных коллизий и приключений» («Роман как буржуазная эпопея»). Богатый материал для этого создавшего целую эпоху романа дало время, когда атомизация социальной жизни и отчуждение еще не стали господствующими общественными факторами — такова мысль Лукача. Итак, перед нами два порядка: порядок великого романа, со всеми его эстетическими, психологическими и идеальными качествами; и порядок совершенно конкретной исторической, социально-политической и, конечно, экономической эпохи. *Интуитивно* мы сразу можем согласиться с вскрываемой Лукачем взаимосвязью этих двух порядков. Но — как помыслить эту связь не в качестве метафоры, а как конкретное единство двух совершенно разных «онтологий», со всеми опосредующими связями, превращающими эти две онтологии в единый феномен, конкретный и рационально постижимый? Чем «заполнить» *этом* промежуток, разделяющий два столь разных региона? (Пример с «Дон-Кихотом» лишь один из мириада, собственно, марксизм только и движется через постоянное соположение и прослеживание взаимосвязей различных регионов, здесь это основной метод.) Ответ на этот принципиальный и головокругительный сложный вопрос вывел бы меня далеко за объем журнальной статьи и за основной предмет этого наброска. Поэтому сейчас только скажу, что у марксизма *есть* ответ на этот вопрос о разрыве.

мере, — что сегодня марксистские схемы, прежде эвристичные, уже не схватывают эту новую социальную реальность».

В рамках данной статьи нет возможности сколько-нибудь подробно опровергать эти возражения. По причине их распространенности и закоренелости, эти упреки в архаизме требуют большого отдельного исследования. Поэтому здесь я предельно *бегло* намечу только *некоторые* моменты данной дискуссии.

Итак, наши оппоненты утверждают, что последняя историческая фаза развития современных обществ, еще схватывавшаяся марксистскими методами, завершилась с концом *фордизма* (массовое производство, крупные промышленные предприятия, преобладание промышленного рабочего класса и т. д.). Ныне же на дворе *постфордизм* — гибкое мелкосерийное производство, гибкие и непостоянные формы занятости, приоритет сферы *услуг* перед сферой промышленного *производства*, сокращение доли рабочего класса и повышение доли «белых воротничков» в структуре занятости населения.

Однако прислушаемся и к мнению другой стороны.

Промышленный рабочий класс всегда и везде составлял меньшинство за единственным исключением — в Великобритании (но и здесь он был в большинстве в течении короткого времени). Большая часть физической работы в новой истории приходилось на долю сельскохозяйственных рабочих. Сегодняшнее снижение численности рабочего класса связано не с «исчезновением», а с изменениями в его составе и структуре, с колебаниями, которые происходили всегда.

Теория постфордизма настаивает на факте сокращения занятости на фабриках и заводах в пользу занятости в сфере услуг, связанных с финансами и досугом. Но, во-первых, в значительной мере это просто некоторые особенности статистических методов. Скажем, программиста, работающего на фабрике можно отнести к сфере производства, а его же коллегу из банка — к сфере услуг. Во-вторых, еще важнее другое обстоятельство. Постфордизм покоится на странном предположении, что сфера производства — это «чистое» производство, а сфера услуг — «чистое» потребление. Но на самом деле значительная часть сферы услуг вовлечена не в потребление ресурсов, произведенных в промышленности, а, напротив, способствует ее развитию. Рост числа занятых в сфере услуг в значительной мере связан с процессом разделения труда и между двумя этими сферами существует теснейшая системная связь. Например, дистрибуция сама по себе не производит товары, но все же она неотделима от их производства, если они не будут продаваться, они не будут производиться. Так что, хотя в 1971 году около половины трудящихся Великобритании было занято в сфере услуг, только 23,1 % оказывали услуги непосредственно потребителю⁷. Ну и самое главное: как бы не изменилась структура занятости, сегодня, как и прежде, любое общество делится на две неравные части — тех, кто владеет средствами производства (землей, строениями, оборудованием) и тех, кто всего этого лишен, владеет только своей рабочей силой и продает ее на рынке труда. Поэтому большинство даже в самых развитых обществах сегодня как и сто лет назад — это самый настоящий рабочий класс в самом

⁷ Gershuny, J. Post-Industrial Society: The Myth of the Service Economy // Futures, 9 (2), 1977, p. 109.

аутентичном марксистском смысле этого понятия. И совершенно неважно — продает ли он свою рабочую силу как программист в информационной корпорации или как слесарь на огромном заводе. Оба они производят прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистом.

Еще один тезис «пост-» теорий: «Маленькие, быстро разворачивающиеся инновации компании берут верх над крупными конкурентами благодаря большей ориентированности на нужды потребителя. Поэтому от прежнего общества крупных промышленных корпораций мы переходим к новому обществу мелкого бизнеса». Но последние десятилетия демонстрирую как раз постоянную экспансию крупнейших корпораций и увеличение их размеров (укрупнение, слияния и поглощения — перманентный процесс сегодняшнего рынка). Кроме того, то, что крупные корпорации не могут удовлетворить разнообразный спрос или даже создать его — всего-навсего миф. ТНК «полностью готовы к разнообразию массовой продукции»⁸. Кроме того, ТНК обладают той формой гибкости, которая мелким производствам не под силу, а именно ресурсами, что позволяет им покупать небольшие инновативные компании, создавшие новый продукт. И при всем обилии примеров вертикальной дезинтеграции ТНК, они по-прежнему предпочитают сохранять и упрочивать свою интеграцию (и вертикальную и горизонтальную), поскольку это обеспечивает так необходимый им корпоративный контроль. Добавим сюда, что массовое производство сегодня, как и сто лет назад доминирует в развитых экономиках; с другой стороны — гибкость этого производства не возникла после второй мировой войны, а была присуща капиталистическому производству с самого начала. Так что тут нет исторического «разрыва», через который не может, будто бы «перепрыгнуть» марксизм.

Еще одна популярная теория: «в обществе сформировался новый класс — “класс менеджеров”, к которому переходит власть в новом обществе. Вкупе с размыванием индивидуального владения собственностью и перехода собственности во владение организаций и групп акционеров, все это в корне трансформирует прежнюю бинарную схему труда/капитал, наемные работники/хозяева и т. д.»

Да, возможно произошло разделение «механизмов воспроизведения капитала» и «механизмов воспроизведения классов», то есть капиталисты могут передавать собственность наследникам, но не всегда могут передать связанные с этой собственностью позиции топ-менеджеров, допустим. Но это разделение (связанное во многом с высокими требованиями к образовательному уровню) не стало непроходимым. Класс собственников по-прежнему формирует «пул, из которого рекрутируются топ-менеджеры»⁹. Хотя топ-менеджеры в «эру информации» формально занимаются такой же «информационной работой», как скажем бухгалтеры, между ними и прочими работниками — пропасть. На вершине оказываются не просто информационные работники, а такие информационные работники, которые обладают привилегированным положением, привилегированным образованием и унаследованным богатством. Скажем, только 7 % школьников учатся в частных школах, но их выпу-

⁸ Curry, J. *The Flexibility Fetish//Capital and Class*, 1993, (50) summer, p. 110.

⁹ Scott, J. *Corporate Business and Capitalist Classes*. Oxford, 1997, p. 20.

скинки составляют уже половину студентов Оксфорда и Кембриджа. Так что «информационное постиндустриальное общество» по-прежнему содержит за своими покровами все ту же классовую и экономическую иерархию, как и сто лет назад. Несколько изменились *формы*, но не изменилась суть.

Поэтому если говорить о форме, то рыночные отношения и классовое неравенство, определяющие для капитализма на всем протяжении его истории, остаются определяющими и для «информационного общества». И «информационный бум» не «отменил» капитализм, а консолидировал капиталистические отношения и распространил их на новые сферы. (Скажем, такой общественный, нерыночный институт, как *публичные библиотеки*, сегодня активно приватизируется.) «Информационное общество» — это общество, где доступ к информации, как и все остальное, определяется положением в социальной иерархии. «Доступ к информации становится функцией имущественного состояния и дохода. Широкие слои общества и само государство постоянно утраивают этот доступ... В обществе усиливается дифференциация по признаку информационного “иметь” и “не иметь”, превращая тех, кто не имеет, а их в информационную эпоху подавляющее большинство, в существа еще более зависимые»¹⁰.

Так что никакого перепрыгивания в «новую эру» капитализм не совершил. В своих основных, определяющих чертах он остается все тем же самым, каким был и в начале XX века — в период революций. Его неизменные черты сегодня, как и тогда: товарное производство, наемный труд, первичность рыночных критериев, частная собственность, корпоративная организация¹¹. И точно также его как сопровождала, так и будет сопровождать практика его критики и преодоления.

Так что скажем «Привет!» возвращению Больших Нарративов.

¹⁰ Schiller, H. The World Crisis and the New Information Technologies // Columbia Journal of World Business, 1983, 18 (1) spring, p. 88.

¹¹ Прекрасный критический обзор различных теорий постиндустриализма см. в кн.: Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. М., 2004.